

На случайныя темы.

Интеллигенція! Сколько крови испортило это понятіе у *Московскихъ Вѣдомостей* и *Гражданина*!

Въ тѣ минуты, когда въ отечествѣ воцарялась жуткая тишина смерти, не нарушаемая даже стономъ безмолвнаго народа, ее оскверняли только безчинные крики бѣсноватой реакціи, которая призывала всю интеллигенцію на Голгофу и обѣщала строить тамъ кресты для распятія русской интеллигентной мысли.

Это не гиперболическое выраженіе, а подлинная правда.

Въ 1882 году, когда испуганная реакція оправилась, князь Мещерскій предлагалъ „заставить печать быть благонамѣренною“.

Въ 1892 году тотъ же князь сдѣлалъ предложеніе болѣе рѣшительное: онъ рекомендовалъ поступить со всей несогласно-мыслящей печатью такъ, какъ поступилъ пророкъ Ілія со жрецами Ваала: „отвелъ ихъ Ілія къ потоку Киссону и закололъ ихъ“.

Въ 1901 году все тотъ же князь, отстаивая теорію ежовыхъ рукавицъ въ примѣненіи къ печати, писалъ: „современная печать есть громадная сила, но злая сила, въ смыслѣ преобладающаго въ ней безнравственнаго надъ нравственнымъ, и вреда, какъ вліянія на людей, надъ пользою“.

Безграмотно, но ясно: обуздать печать, которая есть несомнѣннѣйшее созданіе русской интеллигенціи.

Я не подбиралъ и не выискивалъ въ печати тѣ злобныя выходки, которыми консервативные клоуны расписывались въ своей неприимой ненависти къ болѣе яркой сферѣ дѣятельности интеллигенціи.

Всѣ другія области той же дѣятельности—школа, земство, общества, ассоціаціи—также злобно встрѣчались реакціей.

Да это и понятно: когда все молчало, пришибленное и загнанное,—одна интеллигенція говорила при невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ, съ вѣчнымъ страхомъ огромной личной отвѣтственности.

При общемъ безмолвіи русская интеллигентная мысль, въ неустанныхъ поискахъ лучшаго, „стонала въ полутонѣ“, когда всѣмъ повелительно рекомендовалось „молчать“.

Настало лучшее время. Заговорили даже тѣ, кто благоразумно молчалъ въ ожиданіи лучшихъ временъ.

Отверзли уста и тѣ, которые только при огромной подготовительной работѣ интеллигенціи могли заговорить.

Первый звукъ этихъ заговорившихъ молчальниковъ былъ словомъ осужденія интеллигенціи: „мы—сила, а вы, интеллигенція, ничто!“

Это говорили не князья Мещерскіе, а всѣмъ напротивъ...

Заговорили и въ свою рѣчь сознающей силы не внесли ни одинаго довода, ни одинаго факта, который бы не былъ созданъ или указанъ интеллигенціей.

— Моимъ-то добромъ да мнѣ же челомъ,—могла бы сказать интеллигенція.

Сила! Но она вся цѣликомъ вся взята изъ арсенала, созданнаго интеллигенціей.

Значитъ ли, что творецъ силы безсиленъ, а солдатъ, вооруженный ею, сила?

Значитъ ли, что монахъ, изобрѣвшій порохъ, ничтожество, а солдатъ, стрѣляющій имъ, геній?

Въ сущности, эта сознающая себя сила говоритъ такія слова.

Я слышалъ еще такія возраженія: нечего уподобляться тѣмъ гусямъ, предки которыхъ

спасли Римъ, и указывать на прошлыя заслуги. Укажите настоящія подвиги интеллигенціи.

Указать это очень трудно или очень легко, смотря по обстоятельствамъ.

Я не знаю ни одной области, въ которой русская интеллигенція отъ кого бы то ни было отстала, но я знаю другія сферы жизни, гдѣ отъ русской интеллигенціи отстаютъ рѣшительно всѣ другіе классы (сословія) наши.

Сила! Я не знаю въ точности того, что разумѣютъ подъ этимъ словомъ тѣ, кто злоупотребляютъ имъ.

Сила мысли? Высота моральнаго подвига и самопожертвованія? Талантливость, проявленная рѣшительно во всѣхъ сторонахъ жизни? Сильный альтруизмъ?

Но кто же, знающій хоть начатки русской общественной исторіи, рѣшится утверждать, что всѣмъ этимъ наша интеллигенція обдѣлена, а въ избыткѣ награждены этими свойствами другіе слои русскаго общества?

Я рѣшусь сказать, что только приобщившійся къ интеллигенціи становится силой. Его сила будетъ равна степени его интеллигентности.

— „Дачники“, — слышалъ я слова укоризны, брошенныя интеллигенціи отъ имени популярнаго писателя.

Для остроумія или для убѣдительности приводятъ слова того же писателя, вложенныя въ уста дачному сторожу Пустобайкѣ:

„Послѣ нихъ (по толкованію противниковъ интеллигенціи, „дачники“ — это интеллигенція) только хламъ да соры остается... Только прибирай за ними... Только землю поганять“...

Я не уполномоченъ говорить отъ имени всей интеллигенціи, но за свой счетъ я бы вотъ что сказалъ и сторожу Пустобайкѣ и всѣмъ согласнымъ съ нимъ:

— Хорошо! пусть мы — „дачники“, пусть мы соримъ и поганимъ землю, но вѣдь ваше существованіе, г. Пустобайка, зависитъ отъ этого. Не будь насъ, и вы, а пожалуй, и ваша семья насидѣлась бы безъ хлѣба. Даже больше! Всѣ „дачные мужички“, какъ извѣстно, деруть совсѣмъ не божескія цѣны за всякую сбываемую дачникамъ гниль и дрянь. Доподлинно извѣстно, что аборигены нѣкоторыхъ дачныхъ мѣстностей круглый годъ живутъ отъ щедротъ, расточаемыхъ за лѣто дачниками...

Дурно поймутъ меня тѣ, которые будутъ думать, что я дѣлаю популярнаго писателя отвѣтственнымъ за знакъ равенства, поставленный между понятіями „дачникъ“ и „интеллигентъ“.

Еще хуже сдѣлаютъ тѣ, которые подумаютъ, что шайка пошляковъ, проходящихъ въ „Дачникахъ“, принимается мною за подлинную интеллигенцію и берется подъ особое покровительство.

Еще большую ошибку допустить тѣ, которые подумаютъ, что сторожа Пустобайку я принимаю за силу, отрицающую интеллигенцію.

Но нѣкоторые родные братья Пустобайки склонны именно къ такому толкованію „Дачниковъ“.

Имъ и адресуется мой отвѣтъ.

Иногда бойкій Пустобайка, вооруженный достаточнымъ запасомъ словъ, можетъ совсѣмъ загнипотизировать собесѣдника.

Нѣтъ! Еще раненько кому бы то ни было, — не только Пустобайкѣ, — отрицать силу и значеніе русской интеллигенціи.

При всей симпатіи къ цѣлямъ сознавшей себя силы, я не могу сочувствовать этому неоправданному и заносчивому высокомерію, которое отрицаетъ огромное реальное значеніе интеллигенціи, сближаясь въ этомъ отрицаніи съ реакціонными теченіями русской жизни.

И по численности, и по моральной высотѣ наша интеллигенція такова, что съ ней приходится и еще долго придется считаться всякой новой и старой силѣ.

Темтовичъ.